

13.11.05.
Ширвиндт Михаил

20

РУССКИЙ КУРЬЕР 79 (527) 7 – 13 ноября 2005 года

Ширвиндт-младший на пару с младшим Табаковым владеет двумя ресторанами, любит рыбалку и воспитывает лабрадора Чосера

Прадедом бабушки мамы Михаила Ширвиндта был знаменитый путешественник Миклухо-Маклай

Жена Михаила Ширвиндта Татьяна два года танцевала с Борисом Моисеевым в трио «Экспрессия»

ЖИВАЯ КУЛЬТУРА

Главный собаковод

Популярный телеведущий о себе, своей семье и о том, как Спартак Мишулин варил суп в ванной

ОСОБЫЕ ПРИМЕТЫ

В ернее, ждали, но не меня, а хорошенькую маленькую дочку. Папу уговаривали смириться с моим появлением на свет, но он продолжал убиваться. Может, так бы все и продолжалось до сих пор, но за дело взялся прекрасный артист Леонид Марков. «Дурашка, – пропел удивительно томным голосом Леонид Васильевич. – Представь себе, что у тебя растет дочурка. Через семнадцать лет ты, несвежий лысеющий Шурик, сидишь у себя дома и ждешь с Таточкой свою красавицу Фиру. Нет ее и в час, и в два ночи. Наконец она звонит в дверь, ты кидаешься открывать. На пороге стоит счастливая Фира, а рядом стою Я. «Папа, – говорит Фира, – познакомься, это Леня». Ты в истерике визжишь ей все, что ты обо мне знаешь и думаешь! «Папочка, – настаивает дочь, – ты ничего не понимаешь: я его люблю». И я вхожу в твой дом. Малыш, тебе это надо?» И папа успокоился.

Ирина Зайцева
Журналист

Интервью «Русскому курьеру»
Ширвиндт начал со слов:
– Родители меня не ждали!..

– В детстве вы, наверное, дружили только с мальчиками из хороших актерских семей?..

– Моим самым близким другом и верным Санчо Пансой был Хабибуль, один из 25 детей дворника Хабибулина. Мы с ним, как Чингачгук и Следопыт, прочесывали близлежащие дворы и помойки в поисках приключений. Одна история с Хабибулиным в нашей семье ходит как анекдот.

Однажды, когда у нас с Хабибулиным должна была состояться важная вылазка на бульвар, как назло никого дома не оказалось. (К бульвару обязательно должен был проводить кто-то из взрослых – надо было переходить несколько раз улицу.) Мама сломала ногу, побежав за троллейбусом. И ее положили в больницу. Слепая бабушка сидела в кресле и на ощупь вязала. Я слонялся в тоске, ожидая прихода папы, который отвел бы меня на бульвар. А в это время папа с Аркадием Аркановым на Московском ипподроме просаживали деньги, ставя на лошадей. Просадив все деньги, с горя выпили коктейль из тормозной жидкости с самогоном под названием «Коньяк «Будафок» и отправились домой. В тот момент, когда папина фигура нарисовалась на пороге нашего коридора, мне в очередной раз позвонил Хабибулин. Я стою в конце длинного коридора и бубню что-то дружку, а папа, случайно наступив на арбузную корку у порога, поскользывается и шлепается на

пол. Он проехал на заднице весь коридор от двери до кресла, где сидела бабушка, и затих у ее ног. Нависла страшная тишина. В трубке голос Хабибулина все канючил: «Ширва, ну пошли гулять». Я вздохнул и обреченно ответил: «Нет, Хабибула, не пойду. Меня вести некому: бабка слепая, мать в гипсе, отец пьяный валяется». Семья дворника, думаю, надолго запомнила, как живет богема.

– А на ипподром вас Александр Ширвиндт с собой не брал?

– Нас с отцом, скорее, объединяла любовь к рыбалке. Только я люблю результат, а он процесс. Он может рыбачить в любом месте, будь то прудик, речка или лужа. Кидает удочку и тут же засыпает, облепленный комарами. Он так отдыхает и расслабляется. И совершенно не огорчается, если уходит без единой рыбки. А Михаил Державин, с которым папа всегда ездит на рыбалку, настоящий профессионал своего дела. Он меняет насадки, крючки и, главное, дислокацию. Правда, его постоянно отвлекает от дела падающая в воду трубка Ширвиндта-старшего. Державину приходится каждый раз лезть в воду под корягу и доставать из ила трубку. В конце концов это ему надоело, и он подарил другу веревочку на трубку, которая не давала выпавшей трубке упасть в воду. Представьте картину: сидит Ширвиндт, клюет носом, с веревочкой вокруг шеи и дымящейся трубкой на груди.

– С кем дружили ваши родители?

– В нашем доме бывали дядя Зяма Гердт, дядя Андрей Миронов, дядя Миша Державин. Папа звонил маме из театра и говорил: «Будь в напряжении!» Это означало, что он едет с друзьями. Многие представляют себе божественное общение так: собрались известные артисты и давай друг другу наперебой Пушкина читать. Да ничего подобного! Есть одна байка про Качалова. Как-то его после спектакля пригласили на кремлевский прием. Напротив уставшего после тяжелого спектакля артиста сидел генерал армии, который уже вышел и захотел «искусства». Подняв рюмку, он обратился к «визави»: «Ну, товарищ Качалов, вы нам тут что-нибудь изобразите». «Да нет, извините, я устал. В другой раз», – вежливо отвечает актер. «Товарищи, давайте все попросим!», – не унимается генерал. «Ну, хорошо. Тут меня товарищ генерал очень просит что-нибудь почитать, я почитаю. Но

Ширвиндт-старший любит рыбу, Ширвиндт-младший предпочитает собак. Рядом с героем интервью лабрадор Чосер.

ФОТО ВИКТОРИИ ПЕРШИНОЙ

РЕЗЮМЕ

Михаил Ширвиндт работал монтировщиком сцены, драматическим артистом, был ведущим программы «Лотто-миллион». Сейчас он гендиректор и продюсер студии «Живые новости», ведущий «Дог-шоу», продюсер программ «Путешествия натуралиста» и «Растительная жизнь».

пусть нам товарищ генерал что-нибудь постреляет»...

Никогда не забуду историю о Спартаке Мишулине, которую мне рассказал папа. Как-то театр Сатиры отправился на гастроли в Рим. Пижоны вроде папы с Мироновым храбрились перед поездкой: «Черт с ними, со шмотками, будем кутить на суточные!» Но есть захотелось почти сразу же после приземления. Закон гастрольных джунглей суров: каждый со своим провиантом и неизменным «киловаттником» заперся за плотными шторами гостиничных номеров. Спартак Васильевич, как премьер театра, обитал в отдельном коттедже. Когда голодные друзья поскреблись в дверь плотно зашторенного домика, то услышали испуганный голос хозяина: «Кто?». Осторожно приоткрылась дверь, и они протиснулись в небольшую щель. Апартаменты Мишулина поражали своим великолепием: огромная зала с камином, глубокий альков с широченной кроватью, а вдалеке, за дубовой дверью, ванная комната метров в тридцать с ванной-бассейном, биде и двуспальным унитазом. Вдали, в центре санузла, горел костер. На мраморном полу лежал кусок асбеста для изоляции, стояла тренога, висел котел, а сухой спирт подогревал ароматный супчик. Рядом стоял большой чемодан, битком набитый продуктами. Там было все, включая можайское молоко... Увидев, что пижоны не могут оторвать зачарованный взгляд от котелка, хозяин раздал складные ложки и пригласил к трапезе. Беда заключалась в том, что оголодавшие коллеги не могли дожидаться, когда все приготовится, и начинали поедать полуфабрикат из вареной сайры.

– А потом вы и сами пошли в артисты и вскоре стали жертвой режима. За что вас исключили из Щукинского училища?

– На третьем курсе я стал знаменитостью – меня записали в диссиденты. Это произошло в годовщину 60-летия Советской власти. Произошло все по дурости. Четыре друга навеселе сорвали красный флаг, чтобы ходить с ним по улице. Что

тут плохого? Но поднялось такое! Один из нашей компании оказался активным диссидентом и истово хотел уехать из страны. Благодаря этой истории он и уехал. А нам светило по семь лет за оскорбление государственной символики. То, что обошлось исключением из комсомола и института, – это был праздник.

О сцене на время пришлось забыть. Я пошел «в люди». В «Современнике» я работал монтировщиком декораций. Работа адская, но деньги бешеные. Мой аванс был выше, чем у Табакова! Мы пахали с утра до вечера без выходных. Когда я только пришел, очень удивился, когда в пятиминутную паузу мне сказали: «Спи!» Через пять дней я засыпал в кратковременных перерывах мгновенно. За кулисами под тентом стоял реквизит – кузов с сиденьями от «Жигулей». Я быстренько застелил старыми бархатными кулисами сиденье и сразу же отрубался. Потом я поработал монтировщиком в Москонцерте, в основном у «Самоцветов». На гастролях у меня был выбор: нянчить маленьких Преснякова и Маликова или таскать тяжеленные кофры. Я, попробовав один раз посидеть с вождями краснокотых, предпочел таскать колонки. Потом я восстановился в институте, закончил его, работал у Кости Райкина...

Но в итоге я все-таки ушел из театра и занялся продюсированием телепрограмм.

– В театре Райкина вы встретились со своей будущей женой. Говорят, что вы женились по расчету?

– Конечно. Во-первых, у Тани было две комнаты в коммуналке. Во-вторых, однажды в ее шкафу я нашел чашки кузнецовского фарфора. Было голодное время, 83-й год, зарплата у нас с ней в «Сатириконе» мизерная, и я предложил Тани продать их. Она, бедная, согласилась. Дали мне за них рублей 60. Как раз позвонил мне товарищ, и мы пошли в ресторан ВТО. В общем, пришел я домой без чашек, без денег и выпивши. До сих пор меня попрекают, что я пропил женино приданое...

! Нам светило по семь лет за оскорбление государственной символики